

не только вводятся для потѣхи чудовищныя личины, но даже при нѣкоторыхъ праздникахъ сами дьяконы, пресвитеры и иподьяконы въ безчинныхъ играхъ участвуютъ». Парижскій богословскій факультетъ приговоромъ 1444 года уничтожилъ нелѣпый обычай во время святокъ, въ силу котораго «во время священнодѣйствія плясали въ чудовищныхъ личинахъ и въ одеждахъ женскихъ или шутовскихъ, въ кожахъ львиныхъ, пѣли срамныя пѣсни, на алтарѣ блины ѣли и бѣгали по всей церкви»⁴⁾.

Такимъ образомъ изъ всего сказаннаго приходится сдѣлать заключеніе, что не маскарады Грознаго и Границы легли въ основу современныхъ костюмированныхъ баловъ и процессій, а начало ихъ должно искать въ языческой старинѣ, въ исконныхъ народныхъ вѣрованьяхъ и повѣрьяхъ, приурочиваемыхъ главнымъ образомъ къ святкамъ, къ Колядѣ,—тѣмъ болѣе, что по опредѣленію одного древне-русскаго церковнаго произведенія «каланди еллистиніи бяху праздницы».

Сергѣй Тимоѣевъ.

Къ матеріаламъ для полнаго собранія сочиненій графа А. К. Толстаго.

Въ № 3,448 «Новаго Времени» нашъ извѣстный бібліографъ П. А. Ефремовъ помѣстилъ слѣдующую замѣтку, которую мы считаемъ необходимымъ перепечатать въ «Историческомъ Вѣстникѣ»:

«Съ удивленіемъ мы останавливались на одномъ видномъ пропускѣ, допущенномъ въ «полномъ» собраніи сочиненій графа А. К. Толстаго, вышедшемъ въ 1884 году подъ редакціей князя Д. Цертелева, увѣряющаго въ «предисловіи», что его изданіе заключаетъ въ себѣ все то, чему самъ авторъ приписывалъ серьезное значеніе.

«Еще болѣе насъ удивило, что въ обстоятельной статьѣ Д. Языкова, напечатанной въ № 10 «Историческаго Вѣстника» 1885 года, указывающей многія неточности и недосмотры этого довольно-таки безпорядочнаго изданія, названный нами пропускъ, всетаки, оставленъ безъ указанія.

«Дѣло въ томъ, что князь Цертелевъ, перепечатавъ «Проектъ постановки на сцену трагедіи: царь Ѳеодоръ Іоанновичъ», пропустилъ подобный же «Проектъ постановки на сцену трагедіи: смерть Іоанна Грознаго». Причина, вѣроятно, та, что этотъ проектъ не явился ни въ «Вѣстникѣ Европы», ни въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а былъ изданъ особою брошюрою: Спб. 1886, Въ типогр. морскаго министерства (въ 8-ку, 50 стр.). Невозможно допустить, чтобы этотъ «проектъ» не принадлежалъ къ числу «всего того», чему самъ авторъ приписывалъ серьезное значеніе. Онъ имѣетъ полное право на помѣщеніе въ собраніи сочиненій на ряду съ проектомъ постановки трагедіи «Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ», тѣмъ болѣе, что въ послѣднемъ есть даже ссылки на него, очень существенныя. Такъ, на страницѣ 532, говоря о «Годуновѣ», графъ Толстой замѣчаетъ: «На счетъ его наружности и пріемовъ отсылаю исполнителя къ постановкѣ «Смерти Іоанна», а этой-то постановки въ изданіи не оказывается».

⁴⁾ Снегиревъ, «Русск. Праздн.», т. II, стр. 13.

«Какъ же это просмотрѣлъ князь Цертелевъ, которому, кромѣ проекта, непременно слѣдовало бы также перепечатать и обширную статью графа: «Смерть Иоанна Грознаго на Веймарской сценѣ» изъ современной лѣтописи «Русскаго Вѣстника», № 5 (18-го февраля 1868 г. болѣе 10 столбцовъ), да слѣдовало бы добавить также: «Письмо къ г. Ростиславу по поводу появленія г. Нильскаго въ роли Иоанна Грознаго» (Голосъ), 4-го мая 1868 г., № 123).

«Не излишне было бы перепечатать и письмо графа Толстаго въ редакцію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (19-го ноября 1866 г., № 308) о томъ, что пьеса Александринскаго театра: «Князь Серебряный» не имѣетъ «ничего общаго» съ его романомъ.

«Полагаю, что эти четыре указанія не будутъ излишними добавками къ статьѣ г. Языкова.

«П. Ефремовъ».

Забутый Севастопольскій памятникъ.

Въ 1854 году, ночью на 24 октября, подъ Севастополемъ, на Инкерманскихъ высотахъ произошла кровопролитная битва, въ которой пало много солдатъ Волынскаго и Селенгинскаго полковъ. Тѣла нѣкоторыхъ офицеровъ и солдатъ были отвезены для погребенія на общее кладбище, на сѣверной сторонѣ, а остальные похоронены на берегу Черной рѣчки, оставшимися въ живыхъ товарищами, между коими былъ унтеръ-офицеръ Никита Андреевъ. По окончаніи войны Андреевъ выпросилъ себѣ у правительства небольшой клочекъ земли, близъ погребенныхъ сотоварищей, построилъ на ней небольшой домикъ и занимался ломкой камня. Мѣсто погребенія онъ обнесъ невысокимъ барьеромъ изъ камня, чтобы не ходилъ скотъ, а посрединѣ поставилъ деревянный крестъ.

Въ 1867 году, Никита Андреевъ и другіе его товарищи пожелали соорудить надъ могилою памятникъ-часовню, для чего обратились къ художнику Струкову ¹⁾, который начертилъ проектъ памятника, на сколько возможно недорогого и соображаясь съ мѣстными условіями.

Послѣ этого Никита Андреевъ съ товарищами образовали подписку между собою. Изъ взносовъ, начиная отъ 5 копѣекъ, составила сумма въ 37 руб.; означенныя деньги и проектъ памятника Никита Андреевъ представилъ настоятелю Инкерманской киновіи, при письмѣ, въ которомъ выразилъ слѣдующія желанія: когда памятникъ будетъ поставленъ, то чтобы, 24 октября, ежегодно, въ церкви монастыря была совершаема литургія по убиеннымъ воинамъ, затѣмъ крестный ходъ сперва на кладбище, для служенія панихиды, а оттуда въ древній храмъ, находящійся близъ кладбища въ скалѣ, на вершинѣ которой погибли Волынцы и Селенгинцы, для молебствія о здравіи сохранившихся въ живыхъ.

Преосвященный епископъ таврической Алексѣй утвердилъ проектъ и пожеланія, выраженныя въ письмѣ Никиты Андреева, и приказалъ поставить въ Инкерманѣ кружку для сбора на памятникъ. Къ 1872 году, въ

¹⁾ Находившемуся въ то время въ Инкерманѣ для обновленія древняго храма.